

своих оригиналов. Так «Апостол» имеет традиционное начало апостольских посланий: «брате, послание к тебе пишу, чадо», «Евангелие» вставлено лишь в церковную рамку с помощью начального «во время оно» и заключительного «претерпевый же до конца той спасен будет». В «Кондаке» акафистную форму создают начальные «радуйся», повторяющиеся в характеристике губернатора. Зато автор постарался выдержать, насколько умел, славянский язык, так резко контрастирующий с содержанием «службь», и эта языковая оболочка уже сама по себе создает впечатление пародии.

Перед нами прошел ряд разнообразных по своему происхождению (переводных и оригинальных) и содержанию пародий. Саксонский крестьянин, страдающий от постоя чужих войск, француз, защищающий свой парламент от произвола королевской власти, русский чиновник, обиженный приказом учиться, польский патриот, негодующий на вмешательство иностранцев во внутренние дела его родины, — все они прибегли к одному и тому же литературному средству, чтобы выразить свой протест. Всех их роднит не только самая форма пародии, облакающая этот протест, но и выбор контрастирующего приема. Почему все они сошлись на церковной литературе как на наиболее подходящем оригинале для своих пародий? Думаю, что для этого были две основные причины. Во-первых, в XVII, XVIII и даже в начале XIX в. церковная литература у всех европейских народов, хотя бы в самом скромном размере, входила в элементарное образование. Начатки христианской морали, выраженные в символе веры, заповедях и основных молитвах, становились в это время знакомыми каждому, независимо от национальности и классовой принадлежности, кто получал начальное образование. Этот минимум входил и в школьные программы и в домашнее обучение. Для большинства русских в это время первой учебной книгой за букварем был еще часослов, откуда можно было твердо усвоить себе эти литературные формы. Таким образом автор, пародирующий церковный оригинал в эту эпоху, мог быть вполне уверенным в том, что любой грамотный читатель схватит его замысел, воспримет его пародию на фоне церковного оригинала. С другой стороны, именно церковная литература, для большинства выражавшая еще в это время положительную программу поведения, была особенно подходящей в тех случаях, когда автор хотел подчеркнуть отрицательность тех или иных явлений в общественной и политической жизни. Часть авторов, несомненно, уже стояла на антирелигиозной точке зрения и, пародируя церковные оригиналы, тем